

Глава 6

Старик Лю был отцом охотника Лю и свёкром его фулана, но умер ещё до того, как охотник Лю женился.

Семья Лю была единственными охотниками в деревне Ланьтан. Однако в те годы охотник Лю был ещё слишком молодым, и старик Лю не всегда брал его с собой далеко в горы. Зато гер Цин, когда возле деревни уже невозможно было найти ничего съестного, тайком ходил за старым охотником в лес.

Старик Лю обладал выдающимся мастерством, особенно в расстановке ловушек и силков. Благодаря ему дикие звери не слишком часто тревожили Ланьтан. Каждый раз, отправляясь в горы, он почти никогда не возвращался с пустыми руками. Но поскольку охотился он на крупную добычу, то не обращал особого внимания на мелочи вроде птичьих яиц и оставлял их Цину, чтобы тот мог собрать и вдоволь наесться.

А возможно, с самого начала старик Лю заметил, что Цин идёт за ним, но из жалости к маленькому геру предпочёл закрыть на это глаза. В конце концов, у старика Лю были острые зрение и слух: кролики и фазаны, прятавшиеся в густых зарослях, не могли ускользнуть от него. Как же он мог не заметить большого ребёнка, идущего следом? Он наверняка всё знал.

Иногда старик Лю даже разговаривался с Цином и учил его ставить простые ловушки. Со временем Цин уже мог сам ловить диких кур и кроликов, зажаривать их и тайком приносить домой Мяо Ши.

Цин всегда считал, что именно из-за всех этих птичьих яиц и дичи он вырос таким высоким. Благодаря росту, силе и выносливости у него и появилась уверенность стать дровосеком. Гер помельче не смог бы донести до города даже половину вязанки дров — целая весила сто шестьдесят цзиней, а половина всё равно тянула на восемьдесят.

«Именно благодаря старику Лю я хорошо знаю горы, — продолжал Цин, бросив взгляд на фулана охотника Лю. — Я знаю, где водятся звери, куда безопасно ходить и какими тропами лучше пользоваться. Я даже проложил свои собственные пути. Ловушки ставить я тоже умею — иногда мне удаётся поймать кролика или дикую курицу. А в удачные дни я даже ловил мунтжака».

Он и не собирался заходить слишком глубоко в горы. Пока он держался за пределами общинных угодий деревни, всё было в порядке.

Фулан охотника удивился, услышав об этой связи между Цином и их семьёй, и с усмешкой сказал: «Мой муж всегда говорил, что в горах возле деревни кто-то ещё ставит ловушки. Он даже упоминал, что у этого человека неплохие навыки, но так и не знал, кто это. Так вот, значит, это был ты».

После свадьбы охотник Лю переехал в деревню Сяхэ и охотился уже в близлежащих горах. Там дичи было много, и его пути с Цином ни разу не пересекались. А теперь, когда Цин снял их дом, это казалось ещё более удивительным поворотом судьбы.

Фулан невольно проникся уважением к Цину.

Его собственный муж был охотником, сильным и умелым, но всё же никогда не осмеливался уходить слишком глубоко в горы. А этот Цин, будучи совсем маленьким ребёнком, ходил за стариком Лю в самую чащу. У мальчишки было мужество. Неудивительно, что у него хватило

смелости увести мать и покинуть родную семью.

Мужчины из деревни Шицю не заходили в дом. Теперь, когда Мяо Ши была одинокой, а Цин — гером брачного возраста, входить внутрь было бы неподобающе. Перенеся вещи, они решили навестить родственников в деревне Ланьтан. Две деревни находились близко друг к другу, браки между ними были обычным делом, и у многих в Ланьтане были сёстры, тётки или двоюродные родственники, так что они воспользовались случаем, чтобы зайти в гости и выпить чаю.

Мяо Туншэн, однако, к ним не присоединился.

Сейчас вся деревня всё ещё обсуждала скандал семьи Шэнь. Стоило бы ему зайти к кому-нибудь, и его наверняка засыпали бы вопросами. Такие разговоры ему были не по душе, поэтому он остался сидеть у порога главного зала, отдыхая.

Наблюдая за Цином, он невольно чувствовал недоумение. За всю округу не было ни одного подобного случая. Ни один гер и ни одна женщина никогда не уходили от мужа, забрав с собой ребёнка. Откуда Цину вообще могла прийти в голову такая мысль?

На самом деле Цин действительно был чем-то вдохновлён, о чём слышал ранее. Раз уж Мяо Туншэн спросил прямо, он не стал этого скрывать.

«Весной ведь назначили нового уездного магистрата?» — спросил он.

Остальные посмотрели на него с недоумением, не понимая, какое это имеет отношение к делу.

Несколько дней назад Цин тайком отвёз в город вязанку дров на продажу. К тому времени Шэнь Чжигао уже поднимал шум, требуя развода с Мяо Ши. Поначалу старик Шэнь и старуха Шэнь были против — не потому, что очень любили Мяо Ши, а потому, что вдове Ли они терпеть ещё больше не могли. Вся деревня знала, что от неё одни неприятности.

К тому же разводы в деревне были редкостью. Большинство людей просто терпели свои браки. Если бы семья Шэнь решила нарушить устоявшийся порядок, вся деревня только и делала бы, что судачила.

Но когда вдова Ли объявила, что беременна, да ещё и уверяла, что носит под сердцем сына, настойчивые требования Шэнь Чжигао начали склонять старуху Шэнь на его сторону. Она всегда больше всего благоволила старшему сыну.

Цин придумал лишь одно: заработать больше денег. Люди всегда говорили: «С деньгами и чёрт пляшет». Если будут деньги, жить станет легче. А если мать и вправду выгонят, по крайней мере они не умрут с голоду.

Продав дрова Цин с тяжёлым сердцем и уже возвращался в деревню, когда увидел, как в город въезжает целый обоз. Больше десятка больших повозок оставляли глубокие колеи на грунтовой дороге.

Говорили, что младший родственник-гер уездного магистрата развёлся с мужем и забрал с собой ребёнка. На повозках везли его приданое обратно в родной дом. Поговаривали даже, что магистрат объявил о намерении подобрать брату нового мужа — и был при этом крайне разборчив. Говорили, что даже один учёный подавал прошение, но ему отказали.

«Погоди, он развёлся и забрал ребёнка? Но ведь дети всегда принадлежат семье отца — как он

мог увести ребёнка, да ещё и сына?»

Учёный насмешливо фыркнул: «Да это же родная кровь уездного магистрата. Что вторая сторона могла сделать? Обычные простолюдины. Кто осмелится спорить с чиновником?»

Цин стоял, словно громом поражённый.

Этот мир благоволил мужчинам, но семья гера или женщины тоже могла обладать влиянием.

Если брат уездного магистрата смог после развода забрать ребёнка, то почему его мать не могла поступить так же?

Его отец был всего лишь простолудином.

Опустив взгляд, Цин сказал: «Если брат уездного магистрата смог уйти с ребёнком, почему моя мать не может сделать то же самое? Мои дяди, конечно, не чиновники, но и мой отец — всего лишь обычный деревенский человек...»

Собственной силы у него не было, но он мог занять влияние своих двух дядей.

Если бы Мяо Син и Мяо Ван не вмешались столь решительно, Цин никогда бы не смог так легко порвать с семьёй Шэнь, не говоря уже о том, чтобы уйти, унеся с собой столько зерна и домашнего имущества. Всё это стало возможным лишь благодаря тому, что из деревни Шицю пришло столько людей, а также благодаря Мяо Туншэну. Если бы братья Мяо действительно разозлились, они бы сразу отправились в уездную управу и донесли на Шэнь Чжигао за прелюбодеяние. Именно это и заставило семью Шэнь отступить.

Его дядям не нужно было быть столь же могущественными, как уездному магистрату. Им достаточно было иметь влияния хоть немного больше, чем у Шэнь Чжигао, — и этого уже хватало, чтобы склонить чашу весов в свою пользу.

Мяо Туншэн на мгновение остолбенел. Помолчав, он наконец сказал: «Если бы ты не был гером, у тебя наверняка было бы блестящее будущее. Возможно, из тебя вышел бы настоящий учёный».

Подслушать случайный разговор на улице, сразу уловить его скрытый смысл и так ловко применить это к собственной ситуации — это было по-настоящему выдающимся.

Мяо Туншэн хвалил его, но самодовольное выражение на лице Цина тут же исчезло. Он сжал губы и опустил голову.

«Если бы я не был гером, — тихо сказал он, — я бы вообще не оказался в таком положении».

Во дворе повисла тишина.

В деревенских семьях было обычным делом ценить сыновей выше дочерей или геров. Многие продолжали рожать в надежде на сына, даже если в семье уже было несколько дочерей или геров. Но такая одержимость, как у Шэнь Чжигао, всё же встречалась редко.

В конце концов, в деревне хватало домов, где не было сыновей. У геров от природы было более слабое телосложение и меньшая плодовитость, поэтому им трудно было рожать много детей. Большинство за всю жизнь имели лишь одного ребёнка. Если же рождалось двое, это уже считалось чудом.

Именно поэтому фулан Шэнь Чживэя, Чжао Ши, пользовался в семье Шэнь таким почётом — ведь он не только родил двоих детей, но и подарил семье Шэнь Чжуаня, сына.

Совсем недавно, когда Чжао Ши ссорился с Шэнь Чживэем во дворе семьи Шэнь, он хвастался, что без него Шэнь Чживэй так и остался бы бездетным. Он заявлял, что их брак стал для семьи Шэнь великим благословением, что он их спаситель.

И в тот самый миг, как он это сказал, Шэнь Чживэй замолчал.

Во многих деревенских семьях, особенно небогатых, старших сыновей женили на женщинах, а младших — на герах. Геры были более работающими, да и приданое за них обходилось дешевле. Если младший сын не обзаводился наследником мужского пола, то сын старшего брата брал на себя обязанность совершать погребальные обряды за бездетного дядю.

Именно поэтому так много людей в деревне не одобряли поступок Шэнь Чжигао.

Все остальные могли терпеть — почему же он не мог?

Семья Шэнь ведь вовсе не осталась без сына. У них всё ещё был Шэнь Чжуан.

У них был тот, кто мог продолжить род и совершать погребальные обряды.

Деревня Ланьтан жила сравнительно зажиточно. Независимо от того, брали ли мужчины в жёны женщин или геров, большинство могли позволить себе обзавестись супругой. Это было не так, как в бедных горных деревнях, где повсюду были холостяки, вовсе не имеющие возможности жениться.

Цин выглядел как молодой мужчина и трудился даже усерднее любого парня, но в конце концов он всё равно родился гером.

В детстве он порой задавался вопросом: а что, если бы он родился сыном?

Остался бы тогда отец прежним?

Лучше ли относился бы к его матери?

Но теперь такие мысли давно перестали приходить Цину в голову.

К нему и к его матери так относились не потому, что он был гером. А потому, что они были плохими людьми.

Ну и что с того, что он гер? Он всё равно способен прокормить себя. Он способен содержать мать. Он может работать больше и зарабатывать больше, чем большинство мужчин в деревне.

Если отцу и этой так называемой семье он был не нужен, то и они ему были не нужны.

<http://bllate.org/book/14994/1328660>